

**Запись школы общины с Хулианом Карроном
Милан, 20 декабря 2017 г.**

Текст: Хулиан Каррон. Сначала не было так!

- *Balada de caridade*
- *Be Thou My Vision*

Слава...

Veni Sancte Spiritus...

Добрый вечер всем присутствующим и тем, кто подключился к нам по видеосвязи! В этом месяце мы решили проверить, как связаны содержание лекции Дня начала года и благотворительные мероприятия (продуктовый сбор и рождественские палатки AVSI), а также каким образом мы ради созидания общего блага отвечали на вставшие перед нами нужды. Некоторые из вас прислали нам вопросы, из которых следует, что для кого-то осталась неясной связь между делами, которые предлагает Движение, и верой. Не все восприняли дела как выражение истока (веры), порождающего новизну. Надеемся, сегодняшние выступления расскажут нам о пережитом вами опыте и помогут нам всем вернуться домой с более четким осознанием этой проблемы.

На прошлой школе общины ты ясно подчеркнул необходимость переживать предстоявшие нам дела милосердия в свете текста Дня начала года. Когда ты это сказал, я подумала, что в общем-то «все было как обычно» (не в критическом смысле), но все-таки спросила себя, почему в этот раз ты так настаивал на своем.

Теперь понимаешь почему?

Да.

Потому что все не само собой разумеется.

Это правда! Остановившись и начав размышлять, я заметила, насколько очевидна для меня потребность сравнивать содержание школы общины с реальностью: очевидна в теории, но на деле мало отражается в жизни. Мне стало по-настоящему грустно, когда я увидела, что, хотя я и работаю (возможно, нерегулярно) над школой общины, в конце концов сравнение для меня сводится к усилию, с помощью которого я пытаюсь вместить пережитое в рамки того, о чем говоришь ты или Джуссани. И наоборот. Действительно редко я захожу в жизнь, домой, на работу, отталкиваясь от того, что я читала и видела на школе общины. Мне всегда требуется усилие, чтобы притянуть случившееся со мной к тому, за чем я стараюсь следовать. В большинстве случаев ежедневный опыт становится жертвой инстинктивности и эмоций. И мне от этого больно. Жизнь одна, и она коротка. Я вижу людей, которых встреча со Христом увлекла целиком и полностью, вижу, как каждый их вдох служит утверждению живого отношения. Со мной не так. Например, участвуя в прошлое воскресенье в благотворительной акции AVSI, я стеснялась останавливать людей, мне совершенно не хотелось с ними разговаривать, и мой вклад свелся к тому, что я сама купила какие-то вещи, которые мы продавали. У меня не было никакого желания вовлекаться в эту

инициативу. Тем не менее я решила пойти, поскольку мне полезно находиться в месте, где люди помогают друг другу отдавать что-то безвозмездно, чтобы жить памятью об Иисусе. В то же время я спрашиваю себя, какая польза от меня Движению, если я стала такой теплой, такой непостоянной. Я действительно желаю любить Иисуса, и часто мне очень грустно оттого, что я живу без Него. Сейчас, в такой насыщенный момент я ощущаю себя пустой, и не потому, что дела, которые мы делаем, недостаточно хороши. Я не способна участвовать в них так, как мне хотелось бы, демонстрировать, как хотелось бы, мою привязанность. И что же тогда? Кто я? Ради чего я живу? В чем ошибаюсь? Мне нужно что-то, что позволит умиротворенно и спокойно смотреть даже на такие периоды. Я хотела спросить, что поддерживает тебя, когда слабость и усталость берут верх (если с тобой такое бывает)?

Кто ответит на этот вопрос? Ответ состоит не в простом разъяснении (которое мы можем и дать), а в признании происходящих фактов.

В прошлый раз я почувствовала, что меня в буквальном смысле позвали по имени. Когда такое происходит, бессмысленно убежать; когда Иисус таким образом стучит в твою дверь, лучше поскорее сдаться. И поэтому я начала мою смену в продуктовом сборе с просьбой, с вопросом, о котором, однако, довольно быстро забыла. Я замечала одно: опыт этого года отличался от опыта предыдущих лет, поскольку я находилась в месте, позволявшем мне смотреть людям в глаза без поспешности, которую обычно диктует стремление что-то сделать. Но я чувствовала, что этого было недостаточно. А потом случился факт. Один мужчина, которому я пыталась вручить конверт с приглашением поучаствовать в продуктовом сборе, вдруг начал, простите за выражение, изрыгать на меня всю свою злобу по отношению к обществу, к правительству, к профсоюзам, к иммигрантам... Он уже не мог остановиться. В один миг, внезапно, я поняла, что место не было другим в сравнении с прошлым годом, но я сама изменилась. Неожиданно для себя я начала смотреть на человека перед собой, как заключенный смотрел на своих надзирателей. Я не проигнорировала того мужчину, а дослушала его до конца. Все, что я могла сделать, – это быть рядом с ним и не сбегать, ведь именно так и на меня саму смотрят каждый день. Я чувствовала, что мало-помалу его злоба затихала – благодаря вмешательству чего-то сверхчеловеческого. Потом я рассказала моему собеседнику о центрах солидарности, так как помимо прочего он еще и потерял работу. Я попросила помощи у другого человека, работавшего со мной на сборе, чтобы тот объяснил подробнее. Потом, однако, мужчина вернулся ко мне. Он пытался еще что-то бормотать, но в конце концов сказал: «Я найду в центр солидарности в моем городе, я вас знаю». И улыбнулся. Он изменился в лице, да и я тоже. Когда Иисус являет Себя, мы меняемся: такие последствия невозможно не распознать

Что касается палаток AVSI, так у меня до сих пор перед глазами и в сердце тот опыт блага, который я получила во время рождественской кампании прошлого года. Приближалось мое пятидесятилетие, и мне не хотелось устраивать банальное празднование. Мне помог уверенный взгляд одной подруги, взгляд, полностью основанный на скале – Иисусе. Именно благодаря ему она в по-настоящему трудный момент своей жизни, подтолкнула меня к определенному решению. В результате в качестве подарков на день рождения я попросила сделать пожертвование в фонд AVSI, ведь я уже получила во сто крат. В этом году у меня в голове вертится другая идея... Уверена, что это тоже дар кого-то Другого. Посмотрим, какие знаки Он даст мне. Реальность (а она принадлежит Ему) укажет мне на них и подскажет, смогу ли я осуществить задумку и послужит ли она общему благу. Хочу

поблагодарить тебя за то, что ты продолжаешь помогать нам на пути возвращения к Истоку.

Так как бы ты ответила на вопрос из первого выступления? Что ты заметила?

Я заметила, что меня изменил определенный факт, и этот факт открыл мне Он, являющий Себя и изменяющий меня.

Прекрасно. Для нас христианство не сводится к усилию, не мы собственноручно творим факты. Мы все, принадлежа к этому месту, со временем, согласно замыслу, придуманному не нами, замечаем, что меняемся. Отличие, которое ты обнаружила в себе, не было результатом титанических усилий или какой-то невероятной тренировки. Ты оказалась перед лицом Присутствия (отправная точка христианина – не усилие, а событие), и именно оно позволило тебе, как и заключенному, смотреть по-новому на человека, выплеснувшего на тебя всю свою злобу. Ты не проигнорировала его, а выслушала. Что позволяет нам таким образом предстоять перед другими людьми? Не мы сами («все, что я могла сделать, – это быть рядом с ним, ведь именно так и на меня саму смотрят каждый день»). Такой новый способ реагировать на вызовы реальности изумляет до глубины души: «Он изменился в лице, да и я тоже». Мысль о подарке на день рождения – сборе средств в пользу AVSI – возникла у тебя благодаря как раз такой преизобилующей полноте. Разве была она результатом твоих усилий? Нет, тебя изумила новизна, которую ты обнаружила в себе и которую потом смогла сообщить другим через то, что делала. Участвуя в различных инициативах, мы должны быть внимательны, чтобы в нашем опыте замечать подобные вещи.

Я не пошла на продуктовый сбор, потому что у меня была температура. В какой-то момент моя мама вернулась после работы с покупками и сказала, что встретила в супермаркете одну мою подругу. Я удивилась, узнав, что они виделись, потому что мы живем далеко друг от друга, но потом вдруг вспомнила, что в тот день проходил сбор, о котором я совершенно забыла и никому в семье ничего не сказала. Тогда я спросила: «Мама, а ты что-нибудь купила?» Она не ответила, и я уже собралась пойти сама. Но мама остановила меня и сказала: «Нет, нет, я уже купила кое-что для сбора». Я опять удивилась и спросила: «А что именно ты купила?» Она перечислила кучу всего, чем меня поразила. Я сказала: «Знаешь, достаточно было купить две пачки макарон, не надо было скупать весь магазин», – тем более что моя мама в одиночку воспитывает трех детей, и ей совсем не обязательно было так тратиться. И тут моя мама сказала: «Твоя подруга, когда я отдала ей пакет, тоже сказала: “Это слишком много”. Услышав ее слова, я расстрогалась, потому что “слишком много” – это все то благое и доброе, что я получила, что мне дал Бог. Вот чего по-настоящему слишком много». Потом она добавила: «Всю дорогу от супермаркета до дома у меня на глаза наворачивались слезы», – и видно было, насколько она взволнована. Меня все это поразило. Во-первых, в сравнении с тем, как я отношусь к вещам и делам: для меня достаточно упаковки макарон, достаточно поставить галочку. А мама во всей ее простоте перед присутствием, перед предложением моей подруги отдала что могла, с благодарностью за мою и свою историю. Она так и говорила: «Если бы я могла, то отдала бы все». И у меня остался этот вопрос: «Что значит отдать все?»

Это следующее открытие, которое предстоит вам с мамой. А пока ответь, почему, чтобы объяснить все то, о чем ты рассказала, тебе и твоей маме необходимо было вернуться к истоку. И что это за исток?

Ее история.

То есть?

Все то, что она получила.

А что она получила?

Много всего. Меня.

Когда ты заставила маму объяснить ее, можно было бы сказать, щедрый поступок, она должна была дойти до его истока: «Это ничто в сравнении с тем, что я получила». Она признала в себе этот исток: ее щедрый поступок не был для нее оторван от истока, он возник, благодаря ему.

Недавно я ездил по работе в другой город, где задержался на несколько дней, чтобы встретиться с друзьями из Движения. Пока я был там, они пригласили меня в тюрьму, в которой каждую неделю проводят каритативу. Я тут же согласился. Поскольку я музыкант, мы подумали о том, чтобы организовать музыкальную встречу с заключенными: доставили в тюрьму фортепиано и устроили импровизированный концерт. Было удивительно наблюдать за тем, как надзиратели готовили тюремный зал, пытаясь превратить его в концертный. Они даже построили небольшую сцену. Очевидно, и для них все это тоже было в новинку. В машине по пути в тюрьму друзья сказали мне, что мы должны были встретиться с заключенными, находящимися под защитой. Я не знал, что это значило. Оказалось, речь шла о людях, совершивших настолько тяжкие преступления, что, попади они в общее отделение, другие заключенные убили бы их. Слушая подробности их преступлений, я спрашивал себя, что должен им играть, что говорить, как вести себя, что я могу им предложить. Я никогда их раньше не видел и, с одной стороны, не хотел осуждать их за их многочисленные и немалые грехи. Что знал я о их жизни и прошлом, о том, любил ли их кто-либо и кто? С другой стороны, ошибки были серьезными, и я не мог не учитывать последствия для жертв этих людей. Не понимая толком, что говорить и как вести себя, я решил смотреть на Иисуса. А смотреть в тот момент на Иисуса значило смотреть на тех, кого Иисус дал мне в моей жизни, на моих друзей, ехавших со мной в машине. И я подумал: «Как бы я хотел, чтобы смотрели на меня, если бы все мои недостатки и все мои ошибки стали достоянием общественности?» И ответил сам себе: «Я бы хотел, чтобы на меня смотрели точно так же, как уже смотрят в настоящий момент, я хотел бы, чтобы меня любили, как уже любят сейчас; Бог уже обнимал меня множество раз во множестве случаев именно так, как я того желал». У меня уже все есть, и поэтому я начал молиться и просить Бога научить меня любить и принимать заключенных, как Он любит меня. Когда мы приехали в тюрьму, заключенные казались мне не просто заключенными, а братьям. Я поздоровался с каждым лично, обнял и поцеловал всех – одного за другим. Меня с ними сближало признание в них той же самой потребности в любви, какая есть и во мне. Я начал концерт, и все музыкальные произведения и истории, которыми я решил с ними поделиться, говорили о сердце в его разнообразных проявлениях (об одиночестве и желании быть счастливыми,

любимыми, прощенными, о ностальгии), об аспектах, касающихся их и моей жизни. После концерта осталось время для разговора, и некоторые заключенные выступили. Один сказал: «Видно, что ты счастлив и не боишься страданий». Другой: «Все приходят в каком-то качестве: воспитателя, священника, адвоката, стража порядка. Сегодня мы ждали пианиста. Но когда ты поздоровался с каждым из нас лично и сел среди нас, мы сразу же поняли, что ты сорвал с себя ярлык». Третий признался: «Стены этой тюрьмы – символ моей печали, а в эти часы, проведенные вместе с тобой, мне показалось, что стен больше не было, как не было и моей печали». Наконец, последний говорил: «Сегодня я много думал о моей маме, о последних словах, которые она перед смертью сказала мне и моим братьям: “Перестаньте твердить Богу о том, как велики ваши проблемы и грехи, и начните повторять самим себе и вашим грехам, как велик Бог”». Я вернулся домой в странном состоянии и не знал, что и сказать, я пребывал в странном молчании и буквально не мог говорить. Чтобы не забыть о пережитом опыте, я, будучи музыкантом, сочинил музыку...

Он даже хотел ее исполнить, но мы не смогли раздобыть фортепиано!

Для меня этот поход в тюрьму стал настоящей каритативой: он обернулся благом прежде всего для меня, даже не для заключенных.

Отлично. И это произошло не от твоего усилия, а благодаря возвращению к истоку. «Не зная, как смотреть на заключенных, я решил смотреть на Иисуса, на тех, в ком Иисус являл Себя». Так Иисус не мог смотреть на людей, собравшихся у креста и насмеявшихся над Ним, не думая при этом о Своем отношении с Отцом. Подобное поведение невозможно без истока, без истока, существующего в настоящем. Ты вынужден был вновь подумать о самом себе, о своем зле, о своих ошибках и признать, что хотел бы, чтобы и с ошибками на тебя смотрели так, как смотрят сейчас. Отсюда у тебя родилась и неотложная просьба о том, чтобы Бог научил тебя любить заключенных, как любит их Он. Так ты смог отнестись к ним не как к заключенным, а как к братьям, и это наполнило тебя молчанием. В твоём поступке все было слито воедино, и он помог тебе пережить память о Христе, что иначе оказалось бы невозможно. Это не просто какое-то волонтерство, сведенное к определенным действиям! Подумай, каким благом стало твое присутствие для заключенных, и не только из-за музыки. Как по-новому должны были они взглянуть на самих себя после того вечера!

Расскажу о простых фактах. Утром субботы, в которую проводился продуктовый сбор, мы с женой пошли в супермаркет за покупками. Входим, и тут же на нас набрасываются четверо ребят в специальных жилетках, с листовками и пакетами: «Синьор, синьор!» Я уже готов был сказать им: «Угломонитесь, спокойно, я все знаю». Но они не дали мне времени. И тогда, смеясь, я сдался: «Хорошо, все сделаю». С этими словами я направился к полкам магазина, думая: «Ну да, конечно, им по двенадцать-тринадцать лет, как здорово, какой энтузиазм...» Через пятьдесят метров в отделе с макаронами я заметил пожилую женщину, окруженную тремя другими ребятами. Один из них, с красными от воодушевления щеками, объяснял: «И вот, синьора, как я уже говорил, вы кладете покупки в этот пакет, а потом мы их рассортируем, взвесим, зарегистрируем и отправим...» Но женщина его не слушала, а только смотрела на него широко распахнутыми глазами! Она смотрела на него и буквально впивалась в него взглядом. Взгляд ее шел настолько глубоко, что мальчик вдруг остановился: «Синьора... вам все понятно? Да?» Но она все поняла прекрасно, и как поняла! Она смотрела на что-то, что не казалось ей настоящим, настолько настоящим оно было, настолько

охватывало ее. Это что-то охватило и меня. Может, она думала о своем сыне или внуке, которые были такими же? А может, ей хотелось, чтобы они были такими же. Или, возможно, она вспомнила, как сама была девочкой или как встретила с чем-то исключительным... Или она всю жизнь только этого и искала, и вот теперь То, что она искала, находилось перед ней, прямо напротив, и говорило с ней. Я не знаю, как именно, но уверен: она в тот момент осознавала, что ребятами двигало что-то великое, и поэтому они были такими живыми такими настоящими, хотя, возможно, накануне их глаза слипались, а руки бессильно опускались после двух часов за игровой приставкой... Но сейчас все было иначе. Мы взяли необходимое и подошли с тележкой к кассе. Перед нами латиноамериканец оплачивал небольшую покупку. Потом он отошел в сторону, переложил в пакет две коробки и передал его волонтерам сбора. Я подумал: «Значит, дело не только в сентиментальном порыве, раз оно затрагивает даже твой карман». Из супермаркета мы отправились на рынок, где обычно берем сезонные фрукты и свежую рыбу. Подходим к прилавку нашего знакомого – сорокалетнего продавца рыбы, у которого мы покупаемся уже не первый год, и он говорит мне: «Я тут с пяти утра, прогуляйся со мной в бар, так я немного передохну». Я согласился. Пока мы пили кофе, я рассказал ему о том, что произошло на полчаса раньше, и показал ему листовку, которую дали мне ребята. Он ответил: «Ну да, стыд-то какой... какое безобразие... сколько вокруг бедности...» «Правда, – ответил я, – но ты должен был видеть, заглянуть в глаза ребят». И тогда он спросил: «Им хоть что-то удалось насобирать?» «Не то слово! Ты знаешь, думаю, сегодня по всей Италии собирают тонны продуктов. Только перед кассами в нашем супермаркете стояло пятнадцать больших полных коробок!» Тут он, человек, знающий цену настоящему труду, все понял и с удивлением произнес: «Но почему люди что-то отдают? Как это вдруг они что-то отдают?» Я на секунду задумался, но потом у меня внезапно вырвалось: «Потому что у людей есть сердце!» И мой знакомый, тихонько повторил: «У людей есть сердце... есть сердце...» Расплачиваемся, выходим, и на обратном пути к его лавке после кратчайшего мгновения, после одного вдоха в молчании он вдруг поворачивается ко мне и со всей серьезностью говорит: «У меня тоже есть сердце». – «Ну да», – отвечаю, словно защищаясь от его внезапного порыва. Добираемся до места, он идет в подсобку, обсуждает что-то вполголоса с остальными, а затем отводит меня в сторону, вручает мне деньги и говорит: «Купи сегодня что-то и от меня». После обеда, под впечатлением от произошедшего, желая, чтобы оно сохранилось навсегда, я отправился на мою смену в качестве волонтера продуктового сбора. В последующие дни эти факты были живы во мне и вели меня к Причине, позволившей им проявиться и взбудоражить, в хорошем смысле слова, почву моего сердца. По утрам, выходя на работу, я залпом прочитывал висящий на двери рождественский плакат, с радостью отмечая в нем слова: «Наша надежда – во Христе, в том Присутствии, что мы, несмотря ни на какие рассеянность и беспамятство, уже не в силах вырвать – по крайней мере с корнем – из почвы нашего сердца, благодаря всей той традиции, в рамках которой Он достиг нас». Именно с таким сердцем я ожидаю Его приход, Рождество, и, подобно Безыменному, стою под Его дверью и взываю к Нему, жертвуя Ему мои собственные нужды и нужды моих друзей и братьев, призываю Его, ожидаю Его. Чем Он ближе, тем яснее, насколько сердце нуждается в Нем, чем Он ближе, чем более явно Он присутствует, тем острее я сознаю нужду, которой в любом другом случае стыдился бы, от которой отворачивался бы или приходил в отчаяние. Чем Он ближе, чем явнее Его присутствие, тем больше я замечаю мое сердце. Счастливого Рождества.

Спасибо.

На последней школы общины ответственный нашей группы очень настойчиво спрашивал нас: «Что в нашем опыте означает знать Христа? Пусть никто из вас не уходит сегодня домой, не ответив на этот вопрос!» Видя, с какой серьезностью он говорил это, я решила точно так же отнестись к его словам. Чтобы наметить ответ (думаю, отвечать на поставленный вопрос придется всю жизнь), я должна оттолкнуться от одного факта. Как-то вечером я вернулась домой после каритативы (я отношу продуктовый набор малоимущим) и начала рассказывать мужу о том, как все прошло (на этот раз не слишком гладко), о вопросах, возникающих у меня при виде несправедливости в семьях, которые я посещаю, о том, что рассказывают нам эти люди, и что в тот вечер я спешила уйти и не была открытой перед ними. В какой-то момент муж сказал мне: «Мне по-настоящему повезло жить с тобой. Ты не упускаешь из виду ни одной детали твоего дня, просишь максимально много и столько же делаешь, никогда не довольствуешься достигнутым и позволяешь происходящему ставить перед тобой вопросы. Я всему этому завидую! Мне хотелось бы и самому жить, как ты». В тот момент во мне поднялось невероятное, удушающее чувство тревоги, словно признание моих способностей и моего отношения к вещам раздавило меня, словно все находилось в моих руках, зависело от моей последовательности, от того, какая я хорошая. Это было невыносимо, и мне стало плохо. Меня поразило такое мое описание (я совершенно не замечаю в себе ничего подобного), но чего-то не хватало, мой портрет был неполным, ущербным. И поэтому я тут же ответила: «Дело вовсе не в моих способностях, не в том, какая я молодец! Я такая, потому что встретила Иисуса, Который изменил мою жизнь и позволяет мне смотреть на все определенным образом – желанным и притягательным для тебя. А в Движении Он становится для меня живым и оживляет и меня». Тогда-то я поняла, что значит узнавать Христа в опыте. Речь не о том, чтобы узнавать кого-то стороннего по отношению к моей жизни, отличного от меня, от моего мужа, от моей дочери, а о том, чтобы признавать в Нем истину о нас! Я не могу думать о себе, о том, как я живу, о возникающих у меня вопросах, о том, что я делаю, без Него. Я не говорю: не думая о Нем, а именно без Него! Это не что-то, что добавляется впоследствии: сначала есть я, мои способности, мое поведение, мое «я», а потом уж есть и Иисус. Нет! Я не могу произнести «я» без Него! Именно это, как крик, вырвалось из самых моих глубин, когда я отвечала мужу и говорила, что дело не в моих способностях, а в том, что, как говорилось в названии последних упражнений Братства, «радуется сердце мое, ибо Ты живешь, Христе».

Что в нашем опыте означает знать Христа? Этот вопрос следует оставить открытым. На Дне начала года мы цитировали отца Джуссани, говорившего нам, что, перейдя от воодушевления перед Присутствием к культурному переводу, мы в результате (с тех пор как я прочитал эти слова, они не выходят у меня из головы) больше не знаем Христа. Вот почему так важно оставить вопрос открытым. Начиная с сегодняшнего вечера и вплоть до упражнений Братства, мы можем поступать так же, как ты: не думать, что значит для нас признание Христа, а замечать, где и когда мы узнали Его. Когда поймете, присылайте нам ваши свидетельства, которые помогут нам ответить на острую проблему, о которой предупреждал нас отец Джуссани. В противном случае время жизни уйдет, а мы так и не узнаем Христа, и все сведется к усилию, к тому, что должны сделать мы, и не к Его признанию, которое возможно благодаря Его присутствию. «Признавать Его – значит признавать истину обо мне, – говорила ты. – Это не что-то, что добавляется впоследствии: сначала есть я, мое “я”, а потом уж есть и Иисус. Нет! Я не могу произнести “я” без Него!» Необходимо познавать Иисуса в рамках нашего опыта, потому что

отправная точка для нас – Событие, происходящее в настоящем с тобой. Если мы отдаем себе в этом отчет, жизнь кардинально меняется. Именно таким взглядом, на основании такого опыта мы сейчас можем рассматривать рождественский плакат.

Когда я увидел плакат в первый раз, у меня тут же возник вопрос: «А где Иисус? Где Бог?» Тот же самый вопрос я слышал от некоторых друзей, в том числе и в полемическом ключе, словно им чего-то не доставало. Первая вещь, поразившая меня, заключалась в том, что один и тот же вопрос для кого-то может быть поводом к возражениям, а для меня он превратился в своего рода пружину, подтолкнувшую меня на следующий шаг. Я признал, что этот вопрос – мой вопрос. «Где Ты? Где Ты, Иисусе? Покажи Себя в моей жизни, в моей повседневности, сейчас, в моей настоящей реальности, не в прошлом. Я нуждаюсь в том, чтобы Ты явил Себя сейчас, желаю, чтобы Ты явил Себя сейчас». И это поразительно. Перед одним и тем же вопросом можно вести себя двумя разными способами. Кто-то скажет: «Где Бог? Нет Бога. Ну и ладно! Закроем тему. Я Его не вижу, нет Его, о чем еще говорить? Что за дурацкое Рождество без Иисуса!» Или же этот вопрос позволит тебе идти вперед. Другая вещь, которая меня поразила, состоит в том, что вопрос «Где Бог?» – это название твоей новой книги. Я понял, что прочитал ее, оставив в стороне вопросительный знак, как бы думая: «Сейчас Каррон мне объяснит, где Бог, и проблема отпадет, о ней можно будет больше не думать».

Так вы теряете лучшее, потому что лучшее – это то, о чем вы рассказывали сегодня вечером. Вы сами должны увидеть, где Бог, каждый из вас должен увидеть это, не мне говорить вам об этом вместо вас.

Так у меня возникло желание перечитать книгу с самого начала, поскольку, если я устраняю вопрос, это убийственно для меня, и дальше я просто не знаю, что делать.

Я хочу тебя поблагодарить за тот путь, который ты призываешь нас проделывать в последнее время, начиная с Дня начала года. Некоторые нынешние обстоятельства моей жизни ведут меня совершенно неожиданной дорогой, по-настоящему меняющей меня. И кажется, ты в эти месяцы решил обращать особое внимание именно на то, в чем я отчаянно нуждаюсь сейчас. Я хотел рассказать об одном эпизоде из жизни, который помог мне осознать важность этой работы. Недавно я прочитал критические мнения о рождественском плакате, утверждения, что плакат – доказательство того, что Движение занесло куда-то не туда, поскольку на месте Иисуса – беженцы. Я также слышал, как многие из нас, в том числе и мои друзья, поддерживали эти мысли чуть ли не с озлобленностью и говорили: «В самом деле, это же рождественский плакат, а Иисуса нет!» Или, иными словами: «Каррон забыл об одной детали, я это заметил, а он нет, он не увидел, что в Рождество забыл об Иисусе». В ходе такого вот разговора я вдруг буквально подскочил на стуле и сказал: «Да как это нет Иисуса? Ребята, присмотритесь! Если на этом плакате нет Иисуса, то Его нет и в ваших семьях, на работе, в группе Братства, нет Его и сегодня вечером среди нас. Если на плакате нет Иисуса, то Иисуса нет вообще». Мне кажется, если, чтобы утверждать, что Иисус есть, нам нужна фреска Джотто на плакате, то Иисус в действительности – не событие, происходящее в нашей жизни, в конкретных, материальных обстоятельствах нашей жизни, не осязаемый спутник, сопровождающий нас в каждое мгновение каждого дня; в таком случае Он – нечто в высшей степени святое, но бесконечно далекое. У меня же сама собой рождается благодарность тебе за этот плакат,

поскольку, как мне кажется, тема, к которой ты нас постоянно подводишь со Дня начала года (и часто тебе словно приходится тащить нас за собой), тема, в которой ты помогаешь нам разобраться, имеет основополагающее значение, и ты, чтобы мы лучше поняли, даже набросал ее конспект. В конце концов плакат – это краткий конспект лекции Дня начала года, ты смотришь на него и говоришь: вот, тут все сказано. Глядя на фотографию, использованную на плакате, я вижу снимок моей собственной жизни, и Иисус там есть, еще как есть! Иисус являет Себя, и еще как являет! Признáюсь тебе: только потому, что Он есть и являет Себя, я все еще держусь на ногах. Говорю это с полным правом: я это знаю, я это вижу. На прошлой школе общины одна девушка сказала: «Только если я проделываю эту работу, Иисус может стать близким для меня, а это самая неотложная и щемящая моя потребность». То же самое верно и для меня. Я начал понимать, что современность Христа и Его событие, вновь происходящее в настоящий момент, – это то, ради чего я хочу истратить до последней капли все мои силы. Я нуждаюсь в них больше, чем больной в исцелении, умирающий от жажды – в воде. Я нуждаюсь в них еще больше. И то, как ты настаиваешь на современности Христа и «здесь и сейчас», помогает мне увидеть разницу между ясным пониманием вещей (они мне ясны) и их воплощением в жизни. Тот факт, что они на физическом, материальном уровне меняют мою жизнь, спасает меня от теории. Как ты сказал, «событие – это то, чего мы не знаем заранее». Я должен признать, что благодаря работе, к которой ты нас призываешь, я смотрю на плакат и мне хочется крепко обнять тебя из благодарности за твою любовь к нам. Но, если бы я не проделывал бы такой путь, то, вполне вероятно, пополнил бы ряды тех, кто воротит нос от плаката, на котором нет Джотто. И поэтому спасибо тебе. Я замечаю, что люблю тебя, как сын отца.

Мы принимаем решение о плакате, а потом вы разъясняете нам то, на чем мы остановили наш выбор, и возвращаете нам плакат полным опыта. Христа можно узнать, признать только так, как вы рассказали сегодня вечером. Это верно и для продуктового сбора, и для рождественского плаката – путь один и тот же. Только тот, кто следует за определенным предложением, сможет открыть его суть и поймет, что именно в этом он и нуждался, чтобы признать Христа. Поэтому давайте будем ждать Рождество полными желания, полными неотложной просьбы: «Гряди, Господи Иисусе!»

Школа общины. Мы завершили работу над лекцией Дня начала года и возвращаемся к книге «Зачем Церковь». Она, как вы убедитесь, невероятным образом связана с тем, о чем мы говорили сейчас. Сегодня мы слышали, что принадлежность к определенному месту, к частной истории, о которой написано в плакате, подводит нас к истине о нас самих. Обратимся к третьей главе второго раздела, «Божественное в Церкви» (то есть признание божественного в человеческом), и прочитаем пункты об обычном и особом учительстве (с. 191–203). Здесь отец Джуссани говорит о том, как истина, доносимая до нас Церковью, сообщается нам как бы под осмотическим давлением, через нашу жизнь в определенном месте, в церковной общине. Это похоже, говорит он, на непрерывное осмотическое давление (будьте внимательны: «похоже», потому что ничто не происходит само собой), под действием которого день за днем, незаметно, истина проникает сквозь мембрану нашего сознания. Сейчас мы можем перечитывать эти слова в свете того пути, какой мы проделали в последние месяцы, в свете далеко не самоочевидного сознания, которого мы достигли, и видеть благодаря совершенной работе, каким внутренним богатством обладают эти слова. Чтобы быть причастными такой новизне, необходима, по утверждению Джуссани, верность жизни церковной общины, где нам сообщается надежное

знание о самом главном, до которого нам не дойти путем анализа, или богословских изысканий, или экзегетики, поскольку это знание передается посредством конкретной жизни. Как говорит Собор, Церковь сообщает нам то, что она получила от Христа, и Он Сам являет нам Себя через учение, жизнь, культ, то есть через полноту церковной жизни. И для этого существует одно условие (из-за чего я подчеркивал раньше слово «похоже»), о котором Джуссани говорит далее по тексту. Свобода человека – существенное условие спасения, совершаемого христианской Тайной. И оно может произойти, когда человек идет на продуктивный сбор таким, какой он есть, чтобы посмотреть, что случится; другой отправляется в тюрьму и возвращается домой в изумленном молчании от увиденного. Свобода может выражаться в том, как мы идем куда-либо: делая над собой усилие или прося, подобно нищим. В нас даже может не быть совершенно никакого желания, как порой случается, когда мы идем к причастию, ожидая, что Он по благодати сотворит все остальное. Следующая школа общины состоится в среду, 24 января.

Я желаю вам в это Рождество, чтобы вы позволили плакату и всему тому, о чем мы услышали сегодня вечером стать для вас вызовом, что, как видите, совсем не само собой разумеется. Пусть он станет для вас возможностью вновь осознать, что лишь частный случай, начавшийся две тысячи лет назад и затронувший и нас в определенном месте, в Движении, отвечает на нужды и драмы – наши собственные и общества в целом. От этого частного случая, от этой истории рождается новая жизнь, которую мы можем предложить всем людям, с которыми встречаемся.

Всем счастливого Рождества!

Veni Sancte Spiritus